

РУССКАЯ ДВОРЯНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ВЫСШИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ СОВЕТ В 1920-е ГОДЫ

М.С. Малафай

Аннотация. В отечественной исторической науке происходит активизация исследования Русского зарубежья, в формировании которого значимую роль сыграло дворянство, активно участвовавшее в создании монархических организаций. Раскрытие особенностей переосмысления идеологии монархистов в 1920-х гг. позволит дополнить обширную тему Белой эмиграции и иначе взглянуть на события первой половины XX в. как российской, так и зарубежной истории. Основной акцент делается на рассмотрение и анализ положений Первого монархического съезда, материалов еженедельника Высшего монархического совета, журнала «Двуглавый орел» и писем участников данной монархической организации. В статье выделены основные направления деятельности дворянства, связанного с Высшим монархическим советом 1920-х гг., среди которых — установление контактов с Русской армией П.Н. Врангеля, правительствами ведущих европейских государств и США, а также реализация проектов консолидации монархического движения в эмиграции. Затронута роль Высшего монархического совета в вопросе престолонаследия и выявлены основные черты монархической идеологии Белой эмиграции. Сторонники Высшего монархического совета, большинство из которых были дворянами, сыграли значимую роль в организации и политической деятельности Русского зарубежья и формировании монархической идеологии в 1920-е гг. Однако консолидация монархистов в эмиграции так и не состоялась, что иллюстрирует спор эмигрантов в вопросе престолонаследия с дальнейшим формированием групп «кирилловцев» и «никалаевцев».

Ключевые слова: Высший монархический совет, русская эмиграция, русское дворянство, монархисты, монархическая эмиграция, идеология.

Для цитирования: Малафай М.С. Русская дворянская эмиграция и Высший монархический совет в 1920-е годы // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 322–335. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-322-335

© Малафай М.С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE RUSSIAN NOBLE IMMIGRATION AND THE SUPREME MONARCHICAL COUNCIL IN THE 1920s

M.S. Malafai

Abstract. Russian historical science is intensifying the study of the Russian Abroad, in the formation of which the nobility played a significant role, actively participating in the creation of monarchist organizations. Revealing the peculiarities of the rethinking of the ideology of monarchists in the 1920s will make it possible to supplement the vast topic of white emigration and to have a different view on the events of the first half of the 20th century in both Russian and foreign history. The main emphasis is placed on the consideration and analysis of the provisions of the First Monarchist Congress, materials of the Supreme Monarchist Council weekly, the journal “Two-Headed Eagle” and letters of the participants of this monarchist organization. The article highlights the main activities of the nobility associated with the Supreme Monarchist Council in the 1920s, including the establishment of contacts with the Russian Army of P.N. Wrangel, the governments of leading European states and the United States, as well as the implementation of projects to consolidate the monarchist movement in emigration. The role of the Supreme Monarchist Council in the issue of succession to the throne is touched upon and the main features of the monarchist ideology of the white emigration are revealed. The supporters of the Supreme Monarchist Council, most of whom were noblemen, played a significant role in the organization and political activities of the Russian Abroad and the formation of monarchist ideology in the 1920s. However, the consolidation of monarchists in emigration never took place, which illustrates the dispute between emigrants on the issue of succession to the throne and the further formation of the groups of “Kirillovites” and “Nikolayevites”.

Keywords: Supreme Monarchical Council, Russian emigration, Russian nobility, monarchists, monarchic emigration community, ideology.

Cite as: Malafai M.S. The Russian Noble Immigration and the Supreme Monarchical Council in the 1920s. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 3, part 2, pp. 322–335. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-322-335

323

Поражение Белого движения в Гражданской войне в России привело к формированию феномена Русского Зарубежья, в котором создавались различные сословные, военные и общественно-политические организации. Особенно сильно последствия революционных событий 1917 г., приведших к радикальным изменениям во всех сферах жизни общества, отразились на русском дворянстве. Значительной части дворянства пришлось покинуть родину, что стало, наряду с репрессиями большевиков в постреволюционные годы, одним из факторов сокращения численности дворян в России. Единое сословие искусственно разделилось на эмигрантское, превратившееся в закрытую историко-культурную общность, и оставшееся при советской власти [1]. В эмиграции 1920-х гг. представители дореволюционной аристократии формулировали оценки ряда политических событий и процессов, среди которых кризис 1917 г. и приход к власти большевиков, создание проектов переустройства России

в случае ликвидации советского режима, развитие советского государства и перспективы его существования, вопрос престолонаследия и др. Одним из выразителей монархической идеи, подвергшейся переосмыслению и рефлексии в эмигрантских кругах, стал Высший монархический совет (ВМС), подавляющее большинство участников которого являлись дворянами. В ВМС входили такие значимые фигуры белой эмиграции, как члены Государственной думы III и IV созывов личный дворянин А.М. Масленников и бывший лидер черносотенцев Н.Е. Марков, общественный и государственный деятель барон М.А. Таубе, бывший иркутский и саратовский вице-губернатор А.С. Римский-Корсаков, князя К.А. Ширинский-Шихматов, Д.П. Голицын-Муравлин и Н.Д. Жевахов, бывший бессарабский губернский предводитель дворянства А.Н. Крупенский, бывший председатель Совета министров Российской империи А.Ф. Трепов, издатель и редактор газеты «Грядущая Россия» (Берлин, 1921–1922) Е.А. Ефимовский и др.

В силу политических изменений, происходивших в 1980–1990-х в СССР и России, в отечественной исторической науке начала меняться ситуация в изучении русского зарубежья, и исследование ВМС не является исключением. В историографии деятельность данной монархической организации представлена диссертацией А.В. Серегина «Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность» [2], статьями А.А. Иванова, М.С. Машкевича и А.С. Пученкова [3] и Е.П. Кабытовой [4]. Стоит выделить статью петербургского историка П.Н. Базанова «Журнал «Двуглавый Орел» — орган монархической мысли Русского Зарубежья» [5], в которой даны краткие биографические сведения о руководителях ВМС и издательства «Двуглавого Орла». Особую ценность представляет монография А.А. Иванова [6], которая является первой в отечественной и зарубежной историографии подробной научной биографией Н.Е. Маркова. Таким образом, вопрос деятельности ВМС относительно полно исследован в отечественной историографии, но незначительная часть исследователей рассматривает политическую деятельность монархистов в контексте принадлежности последних к дворянству. При этом именно дворяне стали движущей силой антибольшевистского движения вне территориальных границ родного государства и одной из основ сохранения русской культуры в эмиграции.

Данное исследование основано на материалах таких периодических изданий Белой эмиграции, как еженедельник «Высший монархический совет» (Берлин, 1921–1926), журнал «Двуглавый орел» (Берлин, 1920–1922; Париж, 1926–1931), ежедневная газета левого крыла кадетской партии «Последние новости» (Париж, 1920–1940), редакторами которой были М.Л. Гольдштейн и П.Н. Милюков. Также использовались материалы периодического печатного органа Союза русских дворян во Франции «Вестник Союза русских дворян» (Париж, 1927–1931), который печатался под редакцией крупного генеалога русского зарубежья Н.Ф. Иконникова. Были привлечены опубликованные источники личного происхождения и труды общественно-политических деятелей русской эмиграции Н.Е. Маркова [7], П.Н. Милюкова [8], философа И.А. Ильина [9] и председателя Союза русских дворян П.П. Менделеева [10]. Кроме того, при написании статьи были использованы документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, включая ранее неопубликованную переписку П.П. Менделеева с В.В. Вадковским, председате-

лем Союза российских дворян в Америке [11]. Теоретико-методологической базой исследования послужили такие принципы исторического познания, как принцип объективности, детерминизма, историзма, который является основным методологическим принципом изучения истории, а также принцип социального подхода, который подразумевает необходимость учитывать интересы, традиции и психологию определенных классов, сословий, социальных слоев и групп, субъективный момент в практической деятельности правительств, партий и личностей.

Деятельность ВМС началась в результате проведения Первого монархического съезда, прошедшего в 1921 г. в Бад-Рейхенгалле. Подготовка к его проведению велась с начала 1921 г. при содействии русско-немецкого общества “Aufbau” («Возрождение»), представителем которого в Баварии был немецкий политический деятель и ранний соратник Адольфа Гитлера М.Э. фон Шойбнер-Рихтер. На съезде он утверждал, что возрождение России и Германии было возможно только при совместной работе и мирном сожительстве этих стран с другими народами, к чему должны были стремиться «национально настроенные элементы в той и другой стране» [12]. С 26 мая до 6 июня делегаты съезда провели восемь ежедневных собраний, где рассматривались их доклады [там же]. Первое собрание было посвящено выбору Совета съезда и составов семи отделов: по вопросам государственного восстановления России, по религиозно-нравственным вопросам, по военным делам, по иностранным делам, по финансово-экономическим вопросам, по пропаганде, по организации монархической работы [там же]. Председателем съезда был избран бывший бессарабский губернский предводитель дворянства А.Н. Крупенский, помощниками председателя — князь В.М. Волконский, дворянин Тверской губернии А.А. Римский-Корсаков, занимавший пост председателя Русского комитета и Русского общественного собрания в Берлине, А.М. Масленников, барон М.А. Таубе и граф М.Н. Граббе [там же]. 3 июня дополнительно помощником председателя избрали последнего волынского губернатора П.В. Скаржинского, представителя православной ветви рода Скаржинских, являвшегося выборным председателем беженских организаций в Югославии [там же]. Пост секретаря занимал бывший иркутский и саратовский вице-губернатор А.С. Римский-Корсаков [там же]. Всего в Рейхенгалльском съезде приняло участие 106 делегатов, которые представляли русские монархические организации из 25 стран Европы, Африки и Ближнего Востока [6, с. 457], однако список участников не является окончательно точным и сегодня. Так, присутствующий на съезде сотрудник канцелярии ВМС А.С. Гершельман в опубликованном списке участников съезда не упоминает дворянского деятеля Василия Васильевича Вадковского [13, с. 587–590]. В переписке с П.П. Менделеевым, председателем Союза русских дворян во Франции, легитимист-кирилловец В.В. Вадковский упоминал, что начал свою политическую работу именно с Рейхенгалльского съезда [11, л. 6], что свидетельствует о неполноте списка лиц.

Первое собрание русских монархистов было открыто выступлением Н.Е. Маркова, в котором он выразил задачи монархического съезда так: 1) «объединение всех течений монархической мысли и всех сил монархического действия»; 2) «возглавление монархического движения и представительство его во вне» [7, с. 383]. Во второй день был заслушан доклад А.М. Масленникова «Об идеологии Российской Императорской Власти», переданный затем на предварительное рассмотрение Комиссии по восстановлению государственной власти [12]. 1 июня на заседании общего собрания на его

основании была принята резолюция, согласно которой съезд признал, что «единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России является восстановление в ней монархии, возглавляемой законным монархом из Дома Романовых, согласно Основным законам Российской Империи» [там же]. Это утверждение стало первым пунктом «Основных положений, принятых Съездом хозяйственного восстановления России в Бад-Рейхенгалле (Бавария) с 16 по 24 мая (ст. ст.) 1921 г.» [14]. При этом реальные перспективы реставрации монархии в России в начале 1920-х гг. на страницах еженедельника ВМС оценивались так: «“Реальной”, физической борьбы сейчас нет; и если даже все зарубежные русские “объединились” — ее все равно в данное время возникнуть на европейском театре не могло бы» [15].

Стремясь заручиться поддержкой широких кругов русских беженцев, 30 мая съезд отправил приветственную телеграмму матери последнего императора Николая II Марии Федоровне в Копенгаген, получив ответную с изъявлением благодарности 3 июня [12]. Также приветственные телеграммы были направлены королю сербов, хорватов и словенцев Александру I Карагеоргиевичу, председателю Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев Николе Пашичу, баронам П.Н. Врангелю и Р.Ф. Унгерну, атаману Г.М. Семенову [там же].

Важным результатом деятельности Первого монархического съезда стало начало выпуска еженедельника «Высший монархический совет», печатавшегося в Берлине в 1921–1926 гг. под редакцией дворянина Киевской губернии Н.Д. Тальберга. Вопрос о желательности участия периодической печати в деле восстановления России обсуждался на заседании съезда 2 июня, на котором бывший военный корреспондент и дворянин Е.К. Ножин указывал на необходимость национальной пропаганды среди русских беженцев и издания органа печати национального направления, т. к. стоило учитывать ошибки генерала А.И. Деникина и барона П.Н. Врангеля, которые, по его мнению, неправильно организовали работу пропаганды в период Гражданской войны [там же]. В результате съездом были приняты резолюции, согласно которым необходимо было создать орган периодической печати для «всестороннего развития пропаганды монархической идеи, для изучения и развития русского монархического движения, для правильного и полного освещения происходящего в широких массах русского народа процесса возвращения к путям русского национального идеала, для раскрытия перед иностранным общественным мнением правды об истинных чаяниях русского народа и для воспитания среди русской эмиграции людей в духе родных национальных начал и приготовления их к предстоящему государственному строительству» [там же]. Там же отмечалась необходимость противостоять «противонародной и губительной» пропаганде социалистических и демократических периодических изданий, влияющих на общественное мнение граждан стран-реципиентов [там же]. К ним относили «Последние новости», ежедневную газету «Руль» (Берлин, 1920–1931), которая была основана при участии И.В. Гессена, А.И. Каминки и В.Д. Набокова, выходившую в 1920-х гг. под редакцией М.Е. Вейнбаума газету «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1920–2010), именуемую правыми монархистами «жидовской» [11, л. 47].

Также при участии членов Высшего монархического совета на средства А.Н. Крупенского в Берлине и Париже в 1920–1922 гг. и 1926–1931 гг. издавался журнал «Двуглавый орел». Среди его авторов были такие представители дореволюционной ари-

стократии, как великие князья Александр Михайлович, Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович, князья Д.Д. Оболенский, Д.П. Голицын-Муравлин и Н.Д. Жевахов, графиня С.И. Граббе, публицисты и деятели монархического движения Г.В. Немирович-Данченко, М.Н. фон Энден, Л.В. Билинский, А.Б. Виктуринов, П.П. Булыгин, Н.Д. Тальберг и др. Профессор П.Н. Базанов среди основателей журнала выделил трех активных ультраправых монархистов: Н.Е. Маркова, А.Н. Крупенского и светлейшего князя Михаила Константиновича Горчакова (1880–1961) [5], внука последнего канцлера Российской империи А.М. Горчакова. Помимо редакторской деятельности М.К. Горчаков в 1926–1929 гг. был казначеем Союза русских дворян [16], в котором совместно с первым председателем Союза графом Д.С. Шереметевым, Н.Д. Тальбергом и представителями Петербургского и Курского дворянских объединений образовал ячейку крайне правых представителей Союза дворян. При их участии в «Двуглавом орле» была напечатана статья с обвинениями князя М.С. Путятина, подозреваемого ими ранее в принадлежности к масонству, в связях с советской властью из-за приобретения последним для реставрации древних икон, привезенных в Париж из России [10, с. 587]. Последовавшие за этим в Союзе дворян дискуссии привели к выходу из него в 1929 г. крайне правых монархистов, создававших фактор внутренней борьбы в дворянском объединении и ускоривших смерть ряда пожилых членов Союза, среди которых камергер Н.В. Лотин и граф В.А. Бобринский [там же].

Рейхенгалльский съезд получил широкое освещение в русской эмигрантской прессе. На страницах номера газеты «Последние новости» от 22 июня 1921 г. рассматривались резолюции Съезда, опубликованные в белградской газете «Новое Время» с заметкой правого публициста Г.В. Немировича-Данченко и статьей Е.А. Ефимовского. Согласно данной публикации, разделение представителей Съезда на конституционалистов во главе с А.М. Масленниковым, парламентаристов, выразителем идей которых стал Е.А. Ефимовский, и абсолютистов, возглавляемых Н.Е. Марковым, можно было охарактеризовать как «скверную привычку к камуфляжам», т. к. выражение подлинных идей парламентаризма и конституционализма не позволили бы договориться с лидером абсолютистов [17]. Автор публикации критически оценил намерения А.М. Масленникова, позиционировавшего себя как врага русской буржуазии, «не дарить крестьянам не принадлежащую им землю» и реставрировать прежнее экономическое положение дворянства, а также выдвинул тезис, что политические взгляды Е.А. Ефимовского гораздо ближе к позиции Н.Е. Маркова, т. к. в центре его формулы «вера, царь и отечество» находится именно монарх [там же]. В заключение статьи был сформулирован вывод, что принятые съездом резолюции намечали полную реставрацию России образца даже не 1916 г., а 1904 г. [там же]. Подтверждение этому можно найти и в словах самого Н.Е. Маркова, который о реакции как явлении заявлял так: «Монархисты не должны быть реакционерами в смысле возвращения старых ошибок и неустройств. Не к возвращению грехов и пороков прошлого, не к старым порядкам, а к старому порядку должны мы стремиться, и этот порядок Россия может получить с Божьей помощью единственно из рук своего законного Царя — Помазанника Божия» [7, с. 385].

В 1920-х гг. ВМС активно пытался реализовывать политику, направленную на объединение монархических организаций Европы, Америки и Азии, среди которых были Константинопольский отдел монархического объединения имени

Косьмы Минина под председательством потомственного дворянина В.Н. Белевцова [18], шанхайская монархическая группа «Царь, Родина, Народ» [19] и др. К 1922 г. он смог объединить 85 монархических организаций [8, с. 247]. По мнению представителей ВМС, процесс консолидации осложнялся из-за активизации пропаганды большевиков, направленной против монархистов-легитимистов и увеличения числа якобы монархических организаций, в действительности выступавших с критикой законной династии Романовых [20]. Также к противникам монархической мысли они относили левых кадетов под предводительством П.Н. Милюкова и «эсеровский Земгор» [21], руководителем которого был князь Г.Е. Львов. Два последних общественно-политических деятеля дореволюционной России и Русского зарубежья вместе с их окружением в эмиграции подвергались особой критике со стороны деятелей ВМС и лиц, близких к нему.

Так, глава Русского национального общества и Союза «Единство Руси» Б.Л. Бразоль, выходец из дворян Харьковской губернии, обвинял князя Г.Е. Львова в присвоении 1 млн франков, направленных Г.П. Бахметевым на нужды врангелевской армии, и финансировании одной из крупнейших эсеровских газет «Воля России» [22], которая выходила в Праге в 1920–1922 гг., а после была преобразована в журнал. Бывший сенатор и член Государственного совета А.П. Рогович ставил М.В. Родзянко, посла Великобритании в России Джорджа Бьюкинена и князя Г.Е. Львова в ряд «своих и иностранных предателей, толкнувших Россию на путь гибели», утверждая, что последний не имел смягчающих обстоятельств, каким-либо образом объясняющих его «предательства, совершенного ради достижения власти» [23]. Члены бюро Земского объединения князь А.М. Орбелиани, П.В. Семичев, А.Ф. Русинов, А.Н. Кармалин, Е.Д. Хлюстин, Л.И. Гальский и его председатель Ф.Д. Свербеев утверждали, что Земгор не мог в действительности защищать интересы русских беженцев, т. к. не был связан с русскими земствами и городскими учреждениями [24]. Кроме того, из-за оказания помощи полякам, украинцам и евреям, о чем сообщалось в № 806 газеты «Прикарпатская Русь» (Нью-Йорк, 1915–1922), на страницах еженедельника ВМС Земгор обвинялся в антинациональных настроениях, что, с точки зрения монархистов, было характерной чертой либеральных кругов [25].

Одним из примеров антисемитизма, проявленного участниками ВМС, является жалоба, направленная графу В.И. Коковцову, который открыл кредит в 200 000 германских марок для помощи русским беженцам и предоставил распоряжение данной суммой публицисту и юристу А.И. Каминке [26]. Претензия ВМС состояла в том, что А.И. Каминка привлек к работе следующие организации: «Еврейское Общество», «Американский фонд помощи русским литераторам», «Общество российских студентов», «Общество помощи русским гражданам 1916 г.» [там же]. В результате этого произошло объединение «евреев и полубольшевиков» с ликвидацией доступа к средствам для Русского комитета в Германии, Русского общественного собрания, Русского благотворительного общества в Германии, Офицерского союза и Общества русских студентов [там же]. Проявленная неготовность определенной доли монархистов к сотрудничеству с еврейской частью русской эмиграции в условиях «изгнания», безусловно, является выражением сохранившегося в правых кругах дореволюционного антисемитизма, пересекавшегося с политическими противоречиями и борьбой за перераспределение финансов между монархистами и их оппонентами.

В книге «Войны темных сил», вышедшей в двух выпусках в Париже в 1928–1930 гг., Н.Е. Марков писал, что действительными виновниками революционной трагедии 1917 г. в России являлись евреи, которые спрятались за спинами таких «преступников», как лидеры октябристов М.В. Родзянко и А.И. Гучков, идеологи партии кадетов П.Н. Милюков, В.А. Маклаков и А.И. Шингарев, генералы А.А. Поливанов, А.А. Брусилов, М.В. Алексеев, Н.В. Ружский, политические деятели С.А. Шидловский и В.В. Шульгин [7, с. 186]. Схожая концепция отразилась и в его оценке деятельности газеты «Последние новости», фактическим редактором которой, по мнению Н.Е. Маркова, являлся не П.Н. Милюков, выступавший в качестве декоративной фигуры, а литературный критик и журналист еврейского происхождения С.Л. Поляков, известный под псевдонимом Литовцев [27]. Таким образом, дореволюционный антисемитизм ультраправых монархистов сохранялся среди них и в условиях эмиграции и мог усиливаться в силу таких факторов, как борьба среди беженцев за перераспределение финансирования политической и гуманитарной деятельности и проведение антисемитской политики властями стран-реципиентов. Однако антисемитизм Н.Е. Маркова достигал чрезвычайных масштабов даже по меркам ряда правых представителей эмиграции, на что указывал философ И.А. Ильин в «Записке о политическом положении», направленной барону П.Н. Врангелю [9, с. 221–222.].

В 1920-х гг. ВМС пытался установить прочные контакты с Русской армией барона П.Н. Врангеля как сохранившейся боевой единицы, которую необходимо было использовать для продолжения Гражданской войны на территории России. Она считалась оплотом и залогом успеха в борьбе за восстановление Русской государственности и законной царской власти [28]. Пункты 10 и 11 Основных положений Первого монархического съезда гласили, что «все усилия русских людей должны быть направлены к сохранению и поддержанию возможно широкими мерами тех основных кадров будущей Императорской Русской армии, которые представляют собой уцелевшие воинские части этой армии» и «весь офицерский состав бывшей и будущей Русской армии должен быть всемерно поддержан как нравственно, так и материально, а потому признается необходимым организовать на местах офицерские Союзы взаимопомощи» [14]. ВМС отмечал особую роль генералов П.Н. Врангеля, А.П. Кутепова и И.Г. Барбовича, выполнивших перевод Русской армии в «родные» славянские страны и сохранивших ее численность и дух в частях, расположенных в Галлиполи [29]. «Сохранение этих кадров нашей продолжающей жить Армии нигде не вызывает столько искренней радости, как в монархической среде», — писали на страницах еженедельника организации [там же]. Однако критике подвергалась концепция «национальной армии», которую выдвигали не только «революционные» круги, отвергавшие «Царя» и «Веру» из формулы «За веру, царя и отечество» [там же]. В силу этого утверждалось, что именно монархисты смогут твердо поддержать армию и ее вождей для спасения исконно исторической России [там же]. Сам П.Н. Врангель вел переписку с А.Н. Крупенским [30], помощниками которого выступали граф М.Н. Граббе и генерал И.И. Мрозовский [31], однако, не желая открыто примыкать к той или иной политической силе и стремясь не допустить раскола среди военнослужащих, в сентябре 1923 г. издал Приказ № 82, согласно которому членство офицеров Русской армии в политических организациях запрещалось [32].

Не обошел стороной ВМС и вопрос эмигрантских концепций и проектов переустройства России без советской власти. Рассматривая политическое будущее страны после падения власти большевиков, Е.А. Ефимовский выступал противником идеи созыва Учредительного собрания, утверждая, что оно не могло стать выразителем воли народа, желавшего, с его точки зрения, установления монархического строя [33]. Редактор «Грядущей России» объяснял это тем, что династия Романовых освободила русский народ и окончательно объединила русские земли, в чем и состояла их основная заслуга, в то время как революционеры совершили обратное [там же]. Барон М.А. Таубе выделял такие основы организации монархистов, как верность принципу легитимной монархии и необходимость внутренней дифференциации в монархических кругах, необходимость конституционной монархии в смысле закрепления законом прав отдельных государственных сфер, среди которых частные и публичные права граждан, русская церковь и автономные права воссоединения окраин [34], что отчасти совпадает со взглядами А.М. Масленникова, отмечавшего огромное значение монархии в процессе «спайки разноплеменных государств» [35]. Таким образом, монархическое движение ставило своей целью объединение всех последовательных противников большевизма на принципе законной монархии, т. к. выход из политического хаоса был возможен «только под скипетром исторической династии, сплетенной со всем вековым прошлым нашей родины», что было невозможно без участия представителей императорского дома [36].

Значительный интерес деятели ВМС проявляли и к международной политике. Делегация монархистов, в которую входил «доблестный рыцарь монархизма» генерал В.М. Безобразов и Б.Л. Бразоль, приняла участие в Вашингтонской конференции, к которой официально не были допущены представители П.Н. Милюкова, председателя Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьева и князя Г.Е. Львова [37]. Ее первой задачей являлось ознакомление Государственного департамента США и иностранных делегатов с основными положениями русской монархической мысли, игнорируя особенности формирования американской политической культуры, т. к., с точки зрения монархистов, американскому обществу была искусственно привита идея, согласно которой монархия была «воплощением обскурантизма и средневекового варварства» [там же]. Для исправления этого на английский язык были переведены основные положения, принятые Первым монархическим съездом, была опубликована статья русского дипломата барона Р.Р. Розена «Об исторических судьбах русской монархии и об исторической лжи “Русской” революции» в журнале *The Saturday Evening Post*, где он публиковался в 1919–1921 гг., а также через Госдеп США в Белый дом была передана записка о русских интересах на Дальнем Востоке [там же].

Б.Л. Бразоль акцентировал внимание на ошибочном игнорировании в рамках деятельности Версальской мирной конференции русского вопроса и опасался, что оно могло повториться и на Вашингтонской конференции, в то время как в Азии усиливалось противоречие внешнеполитическим интересам Европы и США советское влияние [38]. В силу этого русская монархическая делегация в Вашингтоне выдвинула восемь пунктов по дальневосточному вопросу, в которых, в частности, отмечалось, что посягательства на целостность русских земель на Дальнем Востоке и попытки использовать внедрение американского, японского и китайского капиталов в Сибири для разработки природных богатств как средства международной политической борьбы

могли привести к серьезным международным осложнениям [39]. Кроме того, там общалось о недопустимости признания тихоокеанскими державами Дальневосточной Республики, как состоявшей в тесной связи с большевистской Москвой, и высоким риске начала войны между США и Японией, после которой «мир почувствовал бы на себе губительные последствия социальных потрясений на обоих берегах океана» [там же]. Однако в том же 1922 г. Б.Л. Бразоль начал отдаляться от Высшего монархического совета, сообщая жене великого князя Кирилла Владимировича Виктории Фёдоровне следующее: «По сути, основное возражение против Высшего монархического совета всегда основывалось на осознании их бездеятельности и слабости. В личном разговоре с Н.Е. Марковым накануне моего отъезда из Парижа я сформулировал свои основные возражения против органа, которым он руководил, изложив четыре следующих обвинения: Высший монархический совет не смог добиться сплоченности, в том числе и внутри Царской Семьи» [40].

Деятельность ВМС в 1920-е гг. носила многовекторный характер, включая разработку проектов общей политической платформы для объединения монархистов в эмиграции и переустройства России после падения большевизма, реализацию попыток установления связей с руководством Русской армии и политическими деятелями стран-реципиентов. Стоит признать успехи ВМС в издательском деле и функционировании органов периодической печати, ставших достоянием консервативных кругов Белой эмиграции и получивших новую популярность в России 1990-х гг. [5]. Объявление Великим князем Кириллом Владимировичем себя в 1922 г. местоблюстителем престола, чем особенно были возмущены потенциальные лидеры эмиграции императрица Мария Федоровна и Великий князь Николай Николаевич [10, с. 567–568], спровоцировало в монархических кругах эмиграции существенный раскол. Дальнейшее объявление в 1924 г. Кириллом Владимировичем себя императором Всероссийским в изгнании Кириллом I лишь усугубило конфликт, который затронул и ВМС. Наглядно его иллюстрируют политические метания Н.Е. Маркова, близкого с начала 1920-х гг. к семье Кирилла Владимировича, но при этом публично признававшего в качестве «вождя» русской монархической эмиграции Великого князя Николая Николаевича до последних месяцев его жизни [41]. Кроме того, стоит согласиться с А.А. Ивановым, который утверждает, что влияние ВМС стало уменьшаться после проведения Российского зарубежного съезда, состоявшегося в Париже в апреле 1926 г., в результате которого от Н.Е. Маркова отмежевались «умеренные» участники съезда и русская монархическая молодежь [6, с. 545]. Н.Е. Маркову пришлось уступить пост председателя ВМС А.Н. Крупенскому, что означало постепенную утрату организацией своего прежнего политического веса среди монархистов [там же, с. 547]. Помимо политического раскола успешной деятельности правых монархистов препятствовали серьезные финансовые трудности [13, с. 575], резкие проявления антисемитизма и антимасонства, отталкивающие от представителей ВМС умеренных сторонников монархии. Таким образом, совокупность вышеуказанных факторов не позволила ВМС объединить даже монархическую часть Белой эмиграции. Конец 1920-х гг. не обозначился окончанием конфликта «николаевцев» и «кириловцев» даже после смерти Великого князя Николая Николаевича в 1929 г., а потеря политического влияния ВМС сопровождалась популяризацией нацистских идей в кругах крайне правых монархистов и «инвестированием» политического капитала некоторых

деятелей ВМС в деятельность иных эмигрантских организаций, в том числе и сословных. Тем не менее именно представители дворянского сословия сыграли определяющую роль в создании и функционировании ВМС в условиях социокультурной среды стран-реципиентов в 1920-е гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Наумов, О.Н.* Октябрь 1917 года и генеалогическая культура русского дворянства // Россия XXI. 2017. № 5. С. 72–95.
2. *Серегин, А.В.* Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
3. *Иванов, А.А., Машкевич, С.В., Пученков, А.С.* Неизвестные страницы биографии Н.Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива // Научный диалог. 2013. № 11. С. 30–43.
4. *Кабытова, Е.П.* Зубр. Николай Евгеньевич Марков 2-й // Дворянское собрание. 1994. № 1. С. 142–146.
5. *Базанова, П.Н.* Журнал «Двуглавый Орел» — орган монархической мысли Русского Зарубежья // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 116–127.
6. *Иванов, А.А.* Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.
7. *Марков, Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М.: Москва, 2002. 521 с.
8. *Миллюков, П.Н.* Россия на переломе. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж: Б. и., 1927. 281 с.
9. *Ильин, И.А.* Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 605 с.
10. *Менделеев, П.П.* Свет и тени в моей жизни: обрывки воспоминаний. 1864–1933. М.: Кучково поле; Императорское Русское историческое общество, 2017. 752 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 24.
12. *Рогович, А.П.* Впечатления на съезде // Двуглавый орел. 1921. № 11. С. 4–14.
13. *Гершельман, А.С.* Эмиграция // Верная гвардия: русская смута глазами офицеров-монархистов. М.: Посев, 2008. С. 489–624.
14. Основные положения, принятые съездом хозяйственного восстановления России в Бад-Рейхенгалле (Бавария) с 16 по 24 мая (ст. ст.) 1921 г. // Двуглавый орел. 1921. № 9. С. 7–10.
15. Единственное решение // Высший монархический совет. 1922. № 24. С. 1–2.
16. Обзор деятельности С. Р. Д. за время с февраля 1927 г. // Вестник Союза русских дворян. 1931. № 2. С. 7–16.
17. Съезд монархистов // Последние новости. 1921. № 361. С. 1.
18. В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1921. № 7. С. 6–8.
19. Среди Монархистов // Высший монархический совет. 1922. № 22. С. 5.
20. Высший монархический совет. 1922. № 21. С. 1.
21. Объединение имени Косьмы Минина // Высший монархический совет. 1921. № 2. С. 3.
22. *Бразоль, Б.Л.* Письмо князю Львову // Высший монархический совет. 1921. № 13. С. 5–6.
23. *Рогович, А.П.* Письмо князю Львову // Двуглавый орел. 1921. № 11. С. 46–48.
24. Протест против деятельности кн. Львова // Высший монархический совет. 1922. № 21. С. 4–5.
25. Из заграничной печати // Высший монархический совет. 1921. № 17. С. 7–8.
26. В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1921. № 16. С. 4–7.

27. Марков, Н.Е. Книга В.В. Шульгина: «Что нам в них не нравится» // Двуглавый орел. 1929. № 28. С. 1342–1347.
28. В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1921. № 4. С. 5–7.
29. Князь Пожарский или Ляпунов // Высший монархический совет. 1922. № 22. С. 1–2.
30. Телеграммы атамана Семенова и генерала Барона Врангеля // Высший монархический совет. 1921. № 5. С. 1–2.
31. В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1921. № 11. С. 4–8.
32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4. Л. 262.
33. В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1921. № 1. С. 6–8.
34. Открытое собрание Русского Конституционно-монархического союза. 23-го ноября // Высший монархический совет. 1921. № 17. С. 5.
35. В русских кругах за границей // Высший монархический совет. 1921. № 1. С. 6–8.
36. Единственное решение // Высший монархический совет. 1922. № 24. С. 1–2.
37. Русские монархисты и Вашингтонская конференция // Высший монархический совет. 1922. № 26. С. 6–7.
38. Русские патриоты в Америке // Высший монархический совет. 1922. № 21. С. 5–6.
39. Бразоль, Б.Л. В русских кругах за границей. В Америке // Высший монархический совет. 1922. № 27. С. 7–8.
40. Пивоваров, Е.Г. Переписка Б.Л. Бразоля с семьей великого князя Кирилла Владимировича // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 241–262.
41. Марков, Н.Е. Дельцы либерализма // Двуглавый орел. 1928. № 21. С. 993–995.

REFERENCES

1. Naumov, O.N. Oktyabr 1917 goda i genealogicheskaya kultura russkogo dvoryanstva [October 1917 and the Genealogical Culture of the Russian Nobility], *Rossiya XXI = Russia XXI*, 2017, No. 5, pp. 72–95. (in Russ.)
2. Seregin, A.V. *Monarhicheskie organizacii russkoj emigracii v Evrope v 1919–1933 godah. Struktura. Ideologiya. Deyatel'nost'* [Monarchical Organizations of Russian Emigration in Europe in 1919–1933. Structure. Ideology. Activity]: PhD Dissertation (History). Moscow, 2010. (in Russ.)
3. Ivanov, A.A., Mashkevich, S.V., Puchenkov, A.S. Neizvestnye stranicy biografii N.E. Markova: po materialam Bahmetevskogo arhiva [Unknown Pages of the Biography of N.E. Markov: Based on the Materials of the Bakhmetevsky Archive], *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2013, No. 11, pp. 30–43. (in Russ.)
4. Kabytova, E.P. Zubr. Nikolaj Evgenevich Markov 2-j [Zubr. Nikolay Evgenyevich Markov 2nd], *Dvoryanskoe sobranie = The Noble Assembly*, 1994, No. 1, pp. 142–146. (in Russ.)
5. Bazanova, P.N. Zhurnal “Dvuglavyy Orel” — organ monarhicheskoy mysli Russkogo Zarubezhya [The Double-Headed Eagle Magazine Is an Organ of Monarchical Thought in the Russian Diaspora], *Russko-Vizantijskij vestnik = Russian-Byzantine Bulletin*, 2023, No. 2 (13), pp. 116–127. (in Russ.)
6. Ivanov, A.A. *Vozhd chernoj reakcii: Nikolaj Evgenevich Markov* [The Leader of the Black Reaction: Nikolai Evgenievich Markov]. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2023, 639 p. (in Russ.)
7. Markov, N.E. *Vojny temnyh sil. Stati. 1921–1937* [Wars of the Dark Forces. Articles. 1921–1937]. Moscow, Moskva, 2002, 521 p. (in Russ.)

8. Milyukov, P.N. *Rossiya na perelome. Antibolshevistskoe dvizhenie T. 2* [Russia at a Turning Point. The Anti-Bolshevik Movement, vol. 2]. Parizh, B. i., 1927, 281 p. (in Russ.)
9. Ilin, I.A. *Dnevnik. Pisma. Dokumenty (1903–1938)* [Diary. Letters. Documents (1903–1938)]. Moscow, Russkaya kniga, 1999, 605 p. (in Russ.)
10. Mendeleev, P.P. *Svet i teni v moej zhizni: obryvki vospominanij. 1864–1933* [Light and Shadows in My Life: Fragments of Memories. 1864–1933]. Moscow, Kuchkovo pole, Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2017, 752 p. (in Russ.)
11. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund R-5971, inventory 1, file 24. (in Russ.)
12. Rogovich, A.P. Vpechatleniya na sezde [Impressions at the Congress], *Dvuglavyy orel* = Two-Headed Eagle, 1921, No. 11, pp. 4–14. (in Russ.)
13. Gershelman, A.S. Emigraciya [Emigration]. In: *Vernaya gvardiya: russkaya smuta glazami oficerov-monarhistov* [The Faithful Guard: The Russian Troubles through the Eyes of Monarchist Officers]. Moscow, Posev, 2008, pp. 489–624. (in Russ.)
14. Osnovnye polozheniya, prinyatyje sezdom hozyajstvennogo vosstanovleniya Rossii v Bad-Rejhengalle (Bavariya) s 16 po 24 maya (st. st.) 1921 g. [The Main Provisions Adopted by the Congress of the Economic Restoration of Russia in Bad Reichenhall (Bavaria) from May 16 to 24 (Old Style), 1921], *Dvuglavyy orel* = Double-Headed Eagle, 1921, No. 9, pp. 7–10. (in Russ.)
15. Edinstvennoe reshenie [The Only Solution], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 24, pp. 1–2. (in Russ.)
16. Obzor deyatelnosti S. R. D. za vremya s fevralya 1927 g. [Review of the Activities of the S. R. D. Since February 1927], *Vestnik Soyuza russkih dvoryan* = Bulletin of the Union of Russian Nobles, 1931, No. 2, pp. 7–16. (in Russ.)
17. Sezd monarhistov [Congress of Monarchists], *Poslednie novosti* = Latest News, 1921, No. 361, p. 1. (in Russ.)
18. V russkih krugah za granicej [In Russian Circles Abroad], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 7, p. 6–8. (in Russ.)
19. Sredi Monarhistov [Among Monarchists], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 22, p. 5. (in Russ.)
20. *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 21, p. 1. (in Russ.)
21. Obedinenie imeni Kosmy Minina [Association named after Kosma Minin], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 2, pp. 3. (in Russ.)
22. Brazol, B.L. Pismo knyazyu Lvovu [Letter to Prince Lvov], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 13, pp. 5–6. (in Russ.)
23. Rogovich, A.P. Pismo knyazyu Lvovu [Letter to Prince Lvov], *Dvuglavyy orel* = Double-Headed Eagle, 1921, No. 11, pp. 46–48. (in Russ.)
24. Protest protiv deyatelnosti kn. Lvova [Protest against the Activities of Prince Lvov], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 21, pp. 4–5. (in Russ.)
25. Iz zagranichnoj pechati [From the Foreign Press], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 17, pp. 7–8. (in Russ.)
26. V russkih krugah za granicej [In Russian Circles Abroad], *Vyssnij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 16, pp. 4–7. (in Russ.)
27. Markov, N.E. Kniga V.V. Shulgina: “Chto nam v nih ne nravitsya” [Shulgin’s Book: “What We Don’t Like about Them”], *Dvuglavyy orel* = Double-Headed Eagle, 1929, No. 28, pp. 1342–1347. (in Russ.)

28. V russkih krugah za granicej [In Russian Circles Abroad], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 4, pp. 5–7. (in Russ.)
29. Knyaz Pozharskij ili Lyapunov [Prince Pozharsky or Lyapunov], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 22, pp. 1–2. (in Russ.)
30. Telegrammy atamana Semenova i generala Barona Vrangelya [Telegrams of Ataman Semenov and General Baron Wrangel], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 5, pp. 1–2. (in Russ.)
31. V russkih krugah za granicej [In Russian Circles Abroad], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 11, pp. 4–8. (in Russ.)
32. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation], fund 5826, inventory 1, file 4, sheets 262. (in Russ.)
33. V russkih krugah za granicej [In Russian Circles Abroad], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 1, pp. 6–8. (in Russ.)
34. Otkrytoe sobranie Russkogo Konstitucionno-monarhicheskogo soyuza. 23-go noyabrya [Open Meeting of the Russian Constitutional and Monarchical Union. November 23rd], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 17, p. 5. (in Russ.)
35. V russkih krugah za granicej [In Russian Circles Abroad], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1921, No. 1, pp. 6–8. (in Russ.)
36. Edinstvennoe reshenie [The Only Solution], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 24, pp. 1–2. (in Russ.)
37. Russkie monarhisty i Vashingtonskaya konferenciya [Russian Monarchists and the Washington Conference], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 26, pp. 6–7. (in Russ.)
38. Russkie patrioty v Amerike [Russian Patriots in America], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 21, pp. 5–6. (in Russ.)
39. Brazol, B.L. V russkih krugah za granicej. V Amerike [In Russian Circles Abroad. In America], *Vyssij monarhicheskij sovet* = Supreme Monarchical Council, 1922, No. 27, pp. 7–8. (in Russ.)
40. Pivovarov, E.G. Perepiska B.L. Brazolya s semej velikogo knyazya Kirilla Vladimirovicha [Correspondence of B.L. Brazol with the Family of Grand Duke Kirill Vladimirovich], *Novejshaya istoriya Rossii* = Modern History of Russia, 2020, vol. 10, No. 1, pp. 241–262. (in Russ.)
41. Markov, N.E. Delcy liberalizma [Businessmen of Liberalism], *Dvuglavyj orel* = Double-Headed Eagle, 1928, No. 21, pp. 993–995. (in Russ.)

Малафай Мирон Сергеевич, аспирант, Государственный университет просвещения, mir-97@mail.ru

Miron S. Malafai, Post-graduate Student, State University of Education, mir-97@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2024. Принята к публикации 29.03.2024

The paper was submitted 25.02.2024. Accepted for publication 29.03.2024